

могут относиться мотивы совершения преступлений после которых правонарушители попадали в Сибирь, рецидив их преступной деятельности, а также криминологические характеристики личности осужденного.

**А.М. КУРЫШОВ**

## **ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ПРИБАЙКАЛЬСКИХ БУРЯТ В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ**

Реформа землеустройства, проведенная в конце XIX–начале XX вв. на территории Прибайкалья, самым серьезным образом повлияла на традиционное хозяйство коренного (бурятского) населения: сократилось землепользование, укрепилась община. С проведением реформы связаны демографический, геополитический и другие аспекты дальнейшего развития региона (см. Иркутский историко-экономический ежегодник: 2004. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2004. С. 23–30; Иркутский историко-экономический ежегодник: 2005. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005. С. 4–14; Иркутский историко-экономический ежегодник: 2006. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. С. 151–157). Но с землеустроительной реформой связаны и качественные изменения способов хозяйственной деятельности бурятского населения Иркутской губернии, прежде всего — переход от экстенсивного к интенсивному земледельческому хозяйству.

Уже во второй половине XIX столетия у подавляющего большинства бурят Иркутской губернии земледелие в хозяйстве стало играть доминирующую роль. По определению И.И. Серебренникова, из тысячи иркутских бурят «кормились от занятия» земледелием 909, скотоводством — 59, а 32 — «прочими способами» (*Серебренников И. Буряты по данным переписи 1897 г. // Сибирские вопросы. 1908. № 37–38. С. 18–27*). В Прибайкалье, по-видимому, до эпохи активного промышленного освоения региона происходил процесс «наступления» леса на степь, площадь последней медленно сокращалась. Это, наряду с другими факторами, повлияло на трансформацию кочевого скотоводческого хозяйства иркутских бурят в направлении развития земледельческих традиций задолго до появления русских. Приход русского населения на берега Ангары и Байкала, активная колонизация края, а позднее и земельное переустройство конца XIX–начала XX вв. лишь в различной степени ускоряли этот процесс.

Интенсификация бурятского земледелия прослеживается, прежде всего, в отказе от переложной (залежной) системы земледелия и переходе к двуполью и трехполью.

Как показала хозяйственная перепись 1887–1889 гг., в конце XIX в. в Иркутской губернии двупольная система была господствующей. Исследователи, выделяя на территории Иркутской губернии два вида господс-

твующей двупольной системы (двупольная с остатками переложной системы и двупольная с зачатками трехпольной), отмечали, что почти все бурятские ведомства относятся к первому виду, лишь два — Китойское и Капсальское — стоят на переходной ступени ко второму. Среди тех хозяйств, которые перешли к трехпольному севообороту, бурятские не зафиксированы (*Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. II. Вып. IV. М., 1890. С. 19–20*). Связано это было не с традициями землепользования, а с географическими особенностями. В бурятских ведомствах было много свободных земельных площадей. «Буряту, обеспеченному мелколесьем и степью, культивируемая земля обходится много дешевле, чем русскому крестьянину, селящемуся в дремучем лесу» (*Материалы... С. 6*). Если стоимость расчистки и пахоты одной десятины в тайге доходила до 100 рублей, то, например, в степном Боханском ведомстве Балаганского округа она составляла 28–39 р. Кроме того, в степных инородческих ведомствах один работник мог обработать за полевой сезон 12,4 десятины, в то время как житель лесных районов, где, как правило, и селились русские, — лишь 10,9 десятины (*Материалы... С. 42–43*). Все это подталкивало к экстенсивному земледелию. К этому добавлялись низкое качество степных почв (по сравнению с лесными) и неглубокий, вследствие выдуваемости, снежный покров, что угрожало озимым посевам. Первое обстоятельство способствовало сохранению пережитков залежной системы (песчаные почвы, обычные для мест проживания бурятского населения, могли использоваться как пашни непрерывно лишь 4–16 лет, в то время как глинистые почвы — 10–20 лет, красный лесной суглинок — 30–60 лет), второе — мешало развитию трехполья. Одной из причин перевода пашни в залежи было наличие большого количества сорняков. Исследователи отмечают, что в бурятских ведомствах процент залежей от сорняков больше, чем в русских волостях (*Материалы... С. 8–11*). Таким образом, если в русских волостях главной причиной «залежности» являлась «маломощность» хозяйств (пахотные земли забрасывались потому, что их не успевали или некому было обрабатывать в силу нехватки рабочих рук или отсутствия тяглового скота), то в бурятских ведомствах такой причиной были истощение почв и сорняки. Под залежами у «инородцев» находилось в среднем по губернии около 14% пашни, у русских крестьян — около 10% (*рассчитано по: Материалы... С. 10–11; Поселенные таблицы // Материалы... С. 67, 77*). Посевы на жниве по губернии составляли в среднем 4,2% посевной площади (*Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX–начала XX вв. Новосибирск: Наука, 1975. С. 136*).

Сокращение земельных угодий и наплыв переселенцев заставляли и бурятское и русское старожильческое население переходить к более интенсивным способам эксплуатации земли, прежде всего, — к посевам на

жнивие, т.е. переходу на трехпольную систему. К 1917 г. в Иркутской губернии земли, находящиеся под паром составляли более 40% всей пашни, значит, большая часть напашанных земель находилась в хозяйственном обороте (Зуляр Ю.В. *Очерки истории природопользования в Байкальском регионе в XX веке. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. С. 200*). У бурят под паром было 43,8% пашни, залежь составляла 7%, то есть, по сравнению с концом XIX в., ее удельный вес в пашне сократился вдвое (*рассчитано по: Итоги предварительного подсчета материалов переписи 1917 года по Иркутской губернии. Иркутск: Изд. Министерства снабжения и продовольствия, 1919. С. 480*). Названные изменения традиционного хозяйства проявились в бурятском обществе в разной степени. В силу того, что размеры землепользования бурят фактически оставались весьма значительными, интенсификация сельского хозяйства в этой части проходила медленно. Исследователи отмечают сохранение залежной системы в Прибайкалье еще в конце 1920-х гг. Даже в Иркутском округе залежи составляли 7,8% от всей пашни. С 1917 до конца 1920-х гг. практически не изменилась площадь пара (40%), а значит, затруднен был переход к трехполью (Зуляр Ю.В. *Указ. соч. С. 201*). И все же интенсификация очень заметна. Так, при сокращении площади пашни в целом, посевная площадь, то есть та часть пашни, которая непосредственно засеивалась сельскохозяйственными культурами, без учета пара и залежей, даже увеличивалась. Так, если в 1887–1889 гг. посевная площадь у бурят составляла около 103 000 десятин, в 1890 г. — более 106 500 десятин, то к 1911 г. она выросла до 124800 десятин (*рассчитано по: Материалы... С. 98; Поселенные таблицы // Материалы... С. 80–81; Обзор Иркутской губернии за 1890 год. Иркутск: Губернская типография, 1891. С. 3; РГИА, ф.408, оп.1, д.1024, л.20 (см. также: Азиатская Россия. СПб.: Изд. Переселен. упр. Главн. упр. землеустройства и земледелия, 1914. Т. II: Земля и хозяйство. С. 274)*).

Как и в конце XIX в., в начале XX столетия основными посевными культурами у бурят являлись рожь, овес, пшеница, ячмень (перечислены в порядке уменьшения посевных площадей). Причем, если в русских волостях преобладали посевы озимой ржи, то в бурятских ведомствах предпочтение отдавалось яровой (ярице). Это объясняется географическими особенностями территорий ведомств (озимая рожь часто вымерзала в степях). Кроме того, яровая рожь устойчива к засухам. Вместе с тем, в некоторых бурятских ведомствах, обеспеченных землями в гористой и лесистой местностях (Китойское, Укырское), озимая рожь также преобладала над яровой, а русские крестьяне Верхотенского уезда выращивали преимущественно ярицу. Таким образом, посев той или иной культуры зависит не от бытовых особенностей, а от качества почв и географического положения. Однако некоторая интенсификация заметна и здесь. Несмотря на сокращение у бурят в начале XX в. посевов традиционной для них яровой ржи и увеличение посевов ржи озимой (с

1902 по 1909 гг. посев ярицы сократился с 35 372 до 32 014 дес., а посев озимой ржи увеличился с 17 646 до 18 832 дес. (*Обзор Иркутской губернии за 1902 год. Иркутск: Губернская типография, 1903. Приложения. Ведомость № 1; Обзор Иркутской губернии за 1909 год. Иркутск: Губернская типография, 1911. Приложения. Ведомость № 1*), прослеживается устойчивая тенденция роста урожайности ярицы, тогда как урожайность озимой ржи изменилась мало (за первые шесть лет XX столетия урожайность яровой ржи в бурятских ведомствах выросла с сам-1,4 до сам-3,8, причем это не единичный случай, а тенденция (см.: *Обзор Иркутской губернии за 1900 год. Иркутск: Губернская типография, 1901. С. 2; Обзор Иркутской губернии за 1901 год. Иркутск: Губернская типография, 1902. С. 2; Обзор Иркутской губернии за 1902 год. Иркутск: Губернская типография, 1903. С. 2; Обзор Иркутской губернии за 1903 год. Иркутск: Губернская типография, 1904. С. 2; Обзор Иркутской губернии за 1904 год. Иркутск: Губернская типография, 1905. С. 2; Обзор Иркутской губернии за 1905 год. Иркутск: Губернская типография, 1907. С. 2; Обзор Иркутской губернии за 1906 год. Иркутск: Губернская типография, 1909. С. 2*). Эта тенденция также является свидетельством качественных сдвигов в бурятском земледелии в рассматриваемый период.

Итак, реформа землеустройства повлияло на качественные изменения способов традиционной бурятской хозяйственной деятельности, их трансформацию. Однако трансформация, в данном случае, связана не с изменением вида хозяйственной деятельности, переориентацией хозяйства с одной отрасли на другую, а с оптимизацией форм уже сложившегося к началу реформы земледельческого хозяйства иркутских бурят. При этом землеустроительная реформа явилась не причиной зарождения обозначенных явлений, а катализатором процесса их развития. Следует отметить, также, что обозначенные изменения знаменуют собой качественно иную рационализацию сельского хозяйства. Если раньше рационализация проявлялась в приспособлении к окружающей среде, то теперь она поднялась на качественно иной уровень — приспособление к экономической реальности, основанной на разумном использовании имеющихся ресурсов.

*И. В. КУРЫШОВА*

## **ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX вв.**

Практика ограничения государством лесопользования, регламентации деятельности, связанной с рациональным использованием лесных ресурсов, уходит своими корнями во времена Петра Великого.